

Марина Жиркова

АВТОР И ЕГО ГЕРОИ В ПОВЕСТИ САШИ ЧЕРНОГО «ЧУДЕСНОЕ ЛЕТО» (1929)

В статье рассмотрена нарративная структура повести Саши Черного «Чудесное лето». Книга двухадресна, она обращена не только к ребенку, но и ко взрослому читателю. В повести изображается мироощущение ребенка, благодаря включению в повествование размышлений самого мальчика. Детское восприятие, чувства, эмоции, переживания становятся объектом изображения. Игра речевыми масками, смена точек зрения или субъектов фокализации создает особый стиль писателя, который позволяет раскрыть детский взгляд на мир и авторское отношение к своим героям, проявляющееся в повествовательном слове основного нарратора. У Саши Черного представлен широкий спектр повествовательных приемов: совмещение изображения мировосприятия повествователя и его персонажей, несобственно-прямая речь маленького героя, раскрывающая его внутренние размышления, цитирование внутренней речи, взятой в кавычки внутри описательного слова повествователя, прямая речь в монологах и диалогах героев. Текст повести состоит из нескольких нарративных слоев, принадлежащих повествователю, мальчику и живым существам (даже неодушевленному, например, звездам во сне мальчика). В результате в реалистическое произведение проникают элементы сказочной прозы: животные и неживые объекты одушевлены, наделены сознанием и голосом.

Ключевые слова: Саша Черный, детская литература, литература русской эмиграции, повесть, сюжет, нарратив, нарратор

К творчеству для детей Саша Черный (Александр Михайлович Гликберг, 1880–1932) обратился еще в ранний дореволюционный период, но именно в эмиграции он сложился как крупный детский писатель и поэт. Работа для детей стала одним из главных направлений творчества Саши Черного в это время: в Берлине в 1921 г. был

опубликован поэтический сборник «Детский остров», в 1922 г. переиздана «Живая азбука», в Париже отдельными книгами вышли «Дневник фокса Микки» (1927) и «Кошачья санатория» (1928). Многие публикации для детей состоялись в газете «Последние новости» и журнале «Иллюстрированная Россия», с которыми Саша Черный сотрудничал до конца своих дней. Они составили основное содержание детских книг, опубликованных в конце 1920 — начале 1930-х гг. Например, «Серебряная елка: Сказки для детей» (Белград, 1929), тогда же в издательстве «Москва» (Берлин — Париж) опубликована повесть «Чудесное лето». Позднее вышел сборник рассказов «Румяная книжка» (Белград, 1930) и уже после смерти писателя в издательстве журнала «Иллюстрированная Россия» опубликован сборник рассказов «Белка-мореплавательница» (Париж, 1933).

Современные критики высоко оценили творчество Саши Черного для детей. Среди достоинств детского автора отмечались юмор, радость, веселье и смех на страницах его книг; интересные, понятные и близкие детям сюжеты и образы; легкость стиха и выразительность языка; умение общаться с детьми на равных и самому становиться ребенком; способность посмотреть на мир глазами детей и животных; искренность автора, понимание им детской психологии и любовь к своим героям и маленьким читателям [Жиркова 2024, 73].

Предметом анализа стала повесть «Чудесное лето» [Черный 1929], которая состоит из 21 главы. Они связаны между собой, но имеют самостоятельный сюжет. Каждая из глав представляет собой небольшой рассказ. Эти рассказы публиковались в 1926–1929 гг. на страницах газеты «Последние новости» и журнала «Иллюстрированная Россия», что обусловило сюжетную замкнутость глав.

История публикации повести «Чудесное лето» не до конца прояснена и заслуживает небольшого комментария. Так, на титульном листе отдельного издания повести отсутствует указание года. Составитель пятитомного собрания сочинений Саши Черного А. С. Иванов называет годом публикации повести 1929. Здесь можно обратить внимание на дарственную надпись на книге, которая приводится в его комментариях к повести и датируется январем 1930 г. [Иванов 1996, 580]. В ответах на анкету А. Седых «Писатели о своих книгах», опубликованную 1 января 1930 г., Саша Черный говорит о книге как о уже состоявшейся: «Книга эта была для меня подлинным отдыхом. Буду сердечно рад, если

маленькие читатели переживут, хотя бы мысленно, вместе со мной зеленые дни „Чудесного лета“» [Черный 1930, 4]. На авантитуле указан перечень книг, изданных в серии «Золотая библиотека» и предлагаемых к продаже. Среди них, например, Загоскин, Чарская, Крылов, Тургенев и др. В работе Г. Кратца «Русское книгоиздание „золотого века“ в Берлине» книга басен И. А. Крылова, выпущенная издательством «Москва», также датируется предположительно 1929 г. [Кратц 2017, 22]. По-видимому, речь идет о фирме «Москва» Е. А. Бреннера (1895–1954)¹. В 1928 г. фирма «Москва» купила книготорговую ветвь берлинского издательства «Слово», с которым на протяжении ряда лет был связан Саша Черный, — фирму «Логос». Это новое объединение приступило к переизданию отдельных книг из «Золотой серии» дореволюционной серии Петербургского издательства М. О. Вольфа под редакцией его сына — Л. М. Вольфа [Кратц 2017, 22] и изданию новых, в частности, повести Саши Черного «Чудесное лето». На авантитуле она указана последней в списке.

Удалось обнаружить три рецензии на эту книгу Саши Черного: в парижских газетах «Последние новости» и «Возрождение» М. Цетлина и И. Лукаша, а также в харбинской газете «Заря» Н. Покровского².

В рецензии на новую книгу писателя Иван Лукаш противопоставил раннего поэта-сатирика Сашу Черного и нового Александра Черного — детского автора: «ирония, сарказм, презрение стали безобидной шуткой, сменились покойной прозой повествователя — наблюдателя. Как будто все засветилось покойным и тихим светом и сам А. Черный отдыхает в том новом мире, который им отыскан» [И. Л. 1930, 4].

Михаил Цетлин писал о радости и беззаботности, наполняющих книгу, увлекательных «немудреных» приключениях, способных заинтересовать читателей, как детей, точнее, подростков, так и взрослых. Рецензент также подчеркнул особый талант писателя: «Для того, чтобы написать детскую книгу надо сохранить в своей душе „дитя“. <...> Детские же книги должны писать не маленькие взрослые, а большая дети» [Цетлин 1930, 3]. Именно таким автором был Саша Черный.

Николай Покровский по контрасту с безвкусицей современного ему книжного рынка, как в советской России, так и среди русских эмигрантских изданий, отмечал появление повести «Чудесное лето» как «воистину большого художественного произведения большого художника» [Покровский 1930, 7]. По мнению рецензен-

та, самое ценное в творчестве Саши Черного именно «произведения для детей. В них автор настолько художественно сливается с душой ребенка, проявляет настоящее изумительное чутье в понимании детской психологии, так художественно-мастерски дает зарисовки своих маленьких героев, что детской литературой могут упиваться и взрослые» [Покровский 1930, 7].

Исследовательских работ, посвященных повести «Чудесное лето», на данный момент немного. Она рассматривается в исследованиях общего характера. Так, в диссертации А. В. Коротких «Детские образы в юмористической прозе Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи» обращается внимание на взаимоотношения детей и взрослых, элементы комического, адаптации ребенка к условиям эмиграции [Коротких 2002]. В работе австрийской исследовательницы Нади Прендл о русской детской литературе 1920–1930-х гг. проанализированы особенности организации повествования, образ главного героя, художественное время и пространство, основные темы и мотивы повести [Preindl 2016].

Герои и особенности сюжетосложения повести

В центре повести «Чудесное лето» — семья эмигрантов, кочующая из одной страны в другую и живущая в настоящее время в Париже. Франция не первая страна в их жизни, до нее были Болгария и Германия: «Жили-жили в Болгарии, только научился болтать по-болгарски, тронулись в Берлин. Осилит, было, немецкий, — сочинение даже писал... Трах, в Париж месяц тому назад переехали» [Черный 1929, 2]. Так рассуждает главный герой повести — мальчик Игорь лет десяти³, искренний, наивный, добрый, любознательный, храбрый, выдумщик и мечтатель. Ребенок изображен в окружении родных и близких, любящих его людей (родители, дядя, тетя). В повести показано, как восстанавливаются родственные связи, разорванные событиями русской истории: революциями, Гражданской войной. Но и другие взрослые, с которыми Игорь сталкивается на новом месте, по-своему заботятся о нем и опекают его. Переезд с родителями на лето в усадьбу, поездка с дядей к морю подарят ему настоящих друзей.

Повесть называется «Чудесное лето», хотя ничего сверхъестественного или волшебного — такое значение слова «чудесный» первым дает словарь русского языка [Словарь современного 1965, стлб. 1163] — не происходит. Но есть другие значения этого слова: «исполненный очарования, дивный, прекрасный... превосходный,

отличный» [Словарь современного 1965, стлб. 1164, 1165]. Именно таким становится это лето для Игоря, каждый день которого наполнен удивительными открытиями и событиями — правда, совершенно разного характера, как забавными, веселыми, так и опасными, пугающими. Главы повести охватывают обычно небольшой промежуток времени, один-два дня, реже несколько дней, которые просто упоминаются без подробного их описания. Некоторые истории рассказаны так, что на протяжении всего повествования сохраняется интрига и возникает эффект неожиданной развязки. Например, в главе «Веселая лотерея» почти до самого ее конца неясно, что мальчик собирается сделать с найденными на чердаке игрушками. Автор-повествователь намеренно скрывает это от читателя, следуя за своим героем, задумавшим устроить праздник для соседских детей и подарить им отремонтированные игрушки.

Скрыто от маленького героя, а вместе с ним от читателя, что за разбойник забрался в кладовку, из-за которого были даже вызваны жандармы («Разбойник»). Здесь повествователь не выходит за рамки известного герою, но раскрывает его восприятие и испытываемые им чувства:

Кто там в кладовке возится? Игорь выскочил в коридор и прислушался. Странно. Замок висит снаружи, другого хода в кладовку нет... Мышь? Да разве мышь может так банками греметь? Мальчик в два прыжка выскочил на лестницу и перегнулся над перилами. Позвать Дарью Ивановну? Стыдно. Разве в минуту опасности женщина должна защищать мужчину? Да еще женщина, страдающая одышкой... Где верная, зубуренная в боях рапира? [Черный 1929, 67]

Тайна разбойника в кладовке — улетевшего накануне соседского попугая — выдерживается до конца главы и раскрывается под общий смех всех собравшихся перед дверью: «И рассмеялись все: жандармы с револьверами, садовник с вилами, кузнец с молотом, хозяин бистро со штопором, прачка с утюгом, Дарья Ивановна со спицами. А больше всех смеялся сам виновник тревоги, маленький Игорь» [Черный 1929, 72].

В повести представлены повседневные события в жизни мальчика — переезд с родителями на лето в усадьбу, поездка с дядей к морю, игры с друзьями. Большую роль в жизни Игоря играет природа — он наблюдает за осами («Нахлебники»), воюет с муравьями («Война с муравьями»), участвует в сборе винограда, его окружают разнообразные домашние животные, которые становятся его друзьями или объектами попечения. Фоново приоткрываются и судьбы

взрослых персонажей: выясняется, что отец Игоря учился в Лесном институте в Петербурге, жил в «комнатушке» на Выборгской стороне, мама — из Украины, а дядя Вася закончил харьковскую гимназию и ветеринарный институт. Любопытно, что в образе одного из взрослых героев, русском химике Петре Игнатьевиче Попове, который общается с детьми на равных и которого дети охотно принимают в свою игру («Камышовое государство»), присутствуют черты самого автора повести, что отмечают исследователи:

Непринужденно и легко Саша Черный чувствовал себя лишь в детской компании. Ему были ведомы секреты подхода к детскому сердцу, он обладал удивительной способностью располагать к себе малышей. Недаром ребячья мелюзга так и льнула к этому удивительному дяде, который включался в их игры, баловал подарками и угощениями, рассказывал забавные истории. Видимо дети чувствовали неподдельный интерес к их делам и проблемам и безошибочно угадывали в Саше Черного «своего» [Иванов 1996, 526]⁴.

Таким запомнили писателя и его современники: «Маленьких детей он любил страстно, безмерно уважал и делался в их обществе совершенно другим человеком» [Андреева 1986, 206]; «Детская душа оставалась в нем всегда» [Лазаревский 1932, 4].

Нарративная структура повести

Повествование строится традиционно — от лица всеведущего повествователя, который ведет рассказ с позиции стороннего наблюдателя. Роль наблюдателя может выполнять и один из персонажей, но его восприятие и оценка включены в сферу нарративного слова повествователя, внутри которого происходит переход к слову героя в форме несобственно-прямой речи или цитированию его размышлений. Так, в начале повести в описании расположения парижской квартиры, данного от лица основного нарратора, присутствуют и слова главного героя — Игоря, и взрослых, но переданные в восприятии ребенка: «Игорь живет в тупичке, в старом солидном, сером доме. Окно в столовой непрозрачное, все в матовых квадратиках, по которым нарисован усатый, взбирающийся до самого верха виноград. Но если окно чуть приоткрыть (*ведь на улице теплень*) (здесь и далее в цитатах курсив мой — М. Ж.) — видно все, что на улице делается». В выделенной фразе звучит самооправдание мальчика, объясняющего, почему можно хоть чуть-чуть приоткрыть окно. «Благо подоконник почти у самого

тротуара, в нижнем этаже. *А совсем открывать окна нельзя, потому что прохожие не должны знать, что в чужой квартире делается. Не полагается»* [Черный 1929, 1]. В последней фразе угадывается подражание Игоря назидательной интонации взрослого, говорящего, возможно неоднократно, эти слова ребенку. В следующем абзаце читателю предлагается проникнуть в сознание любопытного воробья, наблюдающего за детьми: «Порой какой-нибудь любопытный воробей наклонит с нижней ветки голову и внимательно смотрит бисерными глазками на тротуар: *что за возня внизу, чего это дети, как воробьи, с места на место перепархивают? Только мешают крошки подбирать...* Хотелось бы воробью вмешаться в детские игры, да страшно, *еще хвост оттопчут, или в рот кому-нибудь влетишь с разгону»* [Черный 1929, 1–2].

Нарративная организация первой главы предопределяет особенность организации повествования в целом, которая связана с постоянной сменой точки зрения или субъекта фокализации. Такая смена может происходить на уровне абзаца или даже предложения: мы слышим голос то повествователя, то главного героя — мальчика Игоря, то животных или птиц, то есть представлены и антропоморфные, и анималистические нарраторы. Можно выделить два вида фокализации в повести Саши Черного: внешнюю — основного нарратора и множественные внутренние — его героев [Женнет 1998, 205].

Во второй главе «Нежданно-негаданно» парижский вокзал показан глазами ребенка, который отмечает для себя интересные и удивительные вещи: «Носильщики на детских грузовичках разъезжали среди людей, — ни пара, ни газа. Пружина такая под ними, должно быть, на сутки заводится» [Черный 1929, 17]; железнодорожные кассы: «Сколько касс — и в каждой по голове, сколько путей — у каждого по бокам два поезда...» [Черный 1929, 18]. Ситуация на вокзале показана через восприятие ребенка, переданы его чувства, которые последовательно сменяются: удивление, интерес ко всему окружающему; снисхождение к маме; страх, растерянность, попытка храться, радость от возвращения родителей:

Мама попросила его постоять у вещей, у входа в комнатку третьего класса, — мамы ведь всегда в последнюю минуту то шоколад, то мятные лепешки покупают. Он покраснел и храбро остался. Ничего. Вон в углу тоже девочка одна на вещах сидит и даже беспечно ногами по корзине барабанит. Посчитал вещи: двенадцать, под мышкой — тринадцатая. Нехорошее число. Впрочем, раз под мышкой, — не считается. Через полминуты снова пересчитал: одиннадцать! Страшно

испугался и отташил вещи поменьше чуть-чуть в сторону, чтобы легче было в две порции считать. Слава Богу — опять двенадцать... <...>

Что же это никого нет? А что... если мама забыла, где она Игоря оставила с вещами? Она ведь такая рассеянная... Мальчик похолодел, даже пальцы у него склеились. Побегать ей навстречу? А вещи?.. А если он с ней разойдется? Нет, нет. Надо стоять. <...>

К счастью, перед его растерянными глазами вдруг выросла милая, единственная в мире фигурка [Черный 1929, 18–19].

Включение голоса маленького героя позволяет передать определенную гамму чувств ребенка. Эти внутренние переживания передаются синтаксическими средствами: короткие предложения и брошенные, не досказанные до конца фразы создают особый темп повествования, постепенно убыстряющийся по мере нарастания тревоги мальчика. Передача ведущего голоса от основного повествователя герою позволяет приоткрыть для читателя чувства и переживания мальчика.

Нарратор на протяжении всей повести сохраняет позицию «всеведующего автора», который представляет читателю некоторые подробности жизни маленького эмигранта и включает в сферу своего слова как внешние события жизни героя, так и его мысли, чувства и ощущения. Повесть фиксирует точку зрения на события маленького героя, но есть и сближение, совпадение его точки зрения с позицией повествователя. Например, в эпизоде беглого осмотра усадьбы, с которой Игорь знакомится в сопровождении пуделя садовника переданы восторг и радость от просторного парка, где можно бегать, прыгать, играть: «после двух тесных парижских комнат и уличного закоулка, — Бог мой, какое раздолье! Будто тебя из темного трюма на зеленый остров высадили... Что смотреть раньше? В парк побегать или к петухам за решетку?» [Черный 1929, 23]. Автор, кажется, разделяет досаду мальчика, когда его зовут в дом пить чай: «Ах, этот чай... Мальчик повернул к дому. По дороге все его тянуло свернуть то вправо к высокой сторожке у ограды, то влево в буйные заросли ежевики» [Черный 1929, 25]. А описание моря — «сверкало на солнце морское синее золото» [Черный 1929, 98] — выдает восхищение не только мальчика, но и самого писателя. Точки зрения автора и героя здесь оказываются в одной плоскости.

Прием, когда доминирует нарративный голос автора-повествователя, но повествователь передает функцию фокализатора своим героям, можно назвать «повествовательной полифонией». В гла-

ве «Игорь-Робинзон» наблюдается именно такой прием смены точек зрения и доминирование восприятия происходящего героем-ребенком. Глава начинается почти по-чеховски: «Отец уехал по делам в Париж. Мама с экономкой ушли в соседнее местечко за покупками» [Черный 1929, 29]⁵. У Саши Черного и А. П. Чехова разный подход к изображению детей, мир одного принципиально благополучен, другого — драматичен [Францова 2016, 236]. Как пишет современный исследователь: «Чехов — мастер психологического портрета. Он умеет проникнуть в мысли, чувства и состояние своего героя. Именно поэтому в повествование писатель включает слова и обороты, которые отражают душевное состояние героев и своеобразие восприятия ими мира... В рассказе писатель видит мир глазами ребенка, поэтому стиль повествования и тон речи героев совпадает с авторской речью» [Кокина 2017, 118].

Этот чеховский принцип изображения детской точки зрения через определенный лексический подбор, через описание пространственно-временных координат и событий, ограниченных детским кругозором [Лапоница 2005, 25–27], становится ведущим в поэтике творчества Саши Черного для детей. Но если в чеховском мире детское мировосприятие представлено опосредованно, через включение точки зрения ребенка в повествовательное слово основного нарратора, то у Саши Черного наблюдается более широкий спектр повествовательных приемов: совмещение изображения мировосприятия повествователя и его персонажей, несобственно-прямая речь маленького героя, раскрывающая его внутренние размышления, цитирование внутренней речи, взятой в кавычки внутри описательного слова повествователя, прямая речь в монологах и диалогах героев, основной нарратор произведения по своему мировосприятию близок к детскому (в отдельных стихотворениях «Детского острова» или «Дневнике фокса Микки»).

В повести «Чудесное лето» такая структура с включением множества голосов и точек зрения, с одной стороны, раскрывает внутренний мир героев, а с другой — усиливает воздействие на читателей, включает их в сферу переживаний мальчика. Как пишет Н. Прендл,

Это позволяет рассказчику представить свое восприятие окружающего мира глазами ребенка-протагониста и облегчить идентификацию читателя с главным героем. Помимо повышения степени достоверности, это подчеркивает субъективность и индивидуальность ребенка и усиливает эмоциональность переживаний. В то же время это можно интерпретировать как свидетельство знания Черным своего ребенка-

реципиента и иллюстрирует его поиск оригинального подхода к своему читателю [Preindl 2016, 121]⁶.

Отметим, что Игорь не получает полноценного самостоятельного слова в рамках повести, его высказывания в форме несобственно-прямой или прямой речи остаются частью повествовательного слова автора как основного нарратора. Фокус повествования нарратора сосредоточен на событиях, связанных с мальчиком как главным героем, на том, что попадает в его сферу жизненного опыта, например, читателю не сообщаются сведения о занятиях родителей, которые даны лишь по отношению к ребенку. Если мы и узнаем что-то больше о них, например, о прошлом, то это мотивировано сюжетным развитием, именно эти факты важны для дальнейшего повествования.

В статье 1930 г. «Детский ковчег» Саша Черный писал о неудачной попытке пристроить маленькую девочку в русский приют, в котором, к сожалению, не оказалось места. Это статья о русских детях в эмиграции, фактически лишенных детства, живущих в тесных съемных квартирах или отелях, где «даже смеяться громко нельзя, чтобы не потревожить соседей», в тихом одиночестве проводящих свой день, поскольку мать весь день на работе [Черный 1996, 357]. Напомним, что в начале повести Игорь тоже находится один в съемной парижской квартире. Повесть не раскрывает род занятий родителей, мы можем только предположить непростые условия жизни семьи главного героя. Автор в большей степени сосредоточен на изображении жизни ребенка, поэтому фиксирует то, что входит в его круг жизненных интересов и связей.

Рассмотрим зачин одной из самых напряженных и драматичных историй в повести, представленной в главе «Игорь-Робинзон». Здесь мы видим авторский намек на то, как в дальнейшем будет развиваться сюжет — указание на начало приключений, которым способствует отсутствие взрослых, как это происходит и в других главах: «Однажды Игорю повезло. Все взрослое население ушло в парк лесную землянику собирать. Пусть собирают» [Черный 1929, 39] («Веселая лотерея»); или «Когда взрослых нет в усадьбе, сидеть одному в большом доме не очень весело» [Черный 1929, 64] («Разбойник»); или «Днем после обеда все разбрелись, кто куда» [Черный 1929, 205] («Воздушная спальня»). Субъектом фокализации в главе «Игорь-Робинзон» становится главный герой, который испытывает целую гамму чувств, оказавшись на острове посередине пруда:

Что же делать? Хныкать? Ни за что! Не могут же его здесь забыть надолго-надолго, пока у него не отрастет, как у Робинзона, большая борода... К закату вернутся родители... хватятся Игоря — ну и как-нибудь догадаются, где он... А если не догадаются? Ночевать в будке, в темноте, без ужина? Чтобы холодный уж под рубашку забрался! Уснуть, конечно, и на дереве можно. В первую ночь Робинзон всегда на дереве спит. Ну, а если он свалится в воду? [Черный 1929, 32]

Но благодаря открыто выраженному авторскому отношению и субъективно окрашенному повествованию, когда вдруг проскальзывает обращение нарратора к читателю: «Он согрелся на сене, закрыл заплаканные глаза (*да, да — заплаканные*) и задремал» [Черный 1929, 34] — возникает чувство, что мальчик под присмотром всезнающего автора и с ним ничего плохого не случится.

Эмоционально светлую атмосферу книги создают ирония и юмор, а также особая авторская интонация; нежное, трогательное отношение писателя к мальчику, о котором он пишет: «Душа у Игоря была маленькая-маленькая. Вроде прогретого солнцем тихого одуванчика» [Черный 1929, 23]. Авторское отношение проявляется в подборе слов, тех определениях, какие он дает своим героям: «девочка, крепенький катышек в веснушках», «детеныш, доброты и покорности небывалой», «девочка, как божья коровка», «Боб, курносый пупс, милый человечек» [Черный 1929, 172], на карусели «девочка зубки стиснула, кудряшки светлым одуванчиком вскинулись, головой в восторге крутит, в глазах голубое сияние...» [Черный 1929, 228] и т. д.

Слово нарратора в повести «Чудесное лето», как мы отметили выше, включает также взгляд с позиции персонажей-животных: «Ему, пуделю, тоже ведь интересно на новых людей посмотреть, обнюхать их сундуки, попрыгать перед приезжей симпатичной дамой. И еще надо было мальчику птичий двор показать, познакомить его со своим другом — цепной собакой, свести на кухню, к хозяину-садовнику, показать флигель, водокачку...» [Черный 1929, 25]. Анималистические субъекты фокализации в повести встречаются неоднократно (усадебные собаки, бродячий пес, цикады, котенок, мул). Вот, например, размышления бродячего пса, наблюдающего за человеком:

Не здешний... Не фермер, фермеры овощей из города не носят... Мяса не принес, но пустой желудок можно и супом с хлебом наполнить. Не злой, скорее добрый, стало быть, не прогонит. Из той породы людей, которые каждый год наезжают со всех сторон в Прованс, чтобы

валяться на песке у моря и слоняться с места на место. Вроде бродячих собак... [Черный 1929, 105]

Это показательный пример для повести Саши Черного: в нарративном слове главного повествователя обозначены сознание и слова анималистического персонажа, что в целом характерно для поэтики прозы писателя, героями которой часто являются животные (например, отдельные стихотворения из сборника «Детский остров», «Кошачья санатория», «Дневник фокса Микки»).

Заключение

Текст повести состоит из нескольких нарративных слоев, принадлежащих повествователю, мальчику и живым существам (даже неодушевленным, например, звездам во сне мальчика). В результате в реалистическое произведение проникают элементы сказочной прозы: животные одушевлены, наделены сознанием и голосом. Исследователи называют такой прием повествования зооморфной маской писателя [Коротких 2006]. Игра такими масками, смена точек зрения на мир или субъектов фокализации создает особый стиль писателя, который позволяет раскрыть детский взгляд на мир и авторское отношение к своим героям, проявляющееся в повествовательном слове основного нарратора.

В повести раскрывается мироощущение ребенка, эмоционально реагирующего на окружающую действительность. Не только с позиции автора-повествователя, стороннего наблюдателя, хорошо понимающего психологию детей, но, благодаря особой организации повествования, и с точки зрения самого ребенка. Неслучайно критики отмечали, что «Саша Черный умеет на весь мир смотреть глазами своего героя. Делает это он сознательно, но всегда правдиво» [Цетлин 1930, 3]; в повести, по выражению критика, показан «мир через детские глаза» [И. Л. 1930, 4]. Детское восприятие, чувства, эмоции, переживания становятся объектами изображения. Это приближает читателя к миру произведения и его героям, делает понятным поведение и поступки мальчика. Книга лишена дидактики и назидания, доминирующими мотивами становятся игра, веселье, радость, удовольствие.

Для повести «Чудесное лето» характерны занимательность, острый сюжет и неожиданные финалы («Веселая лотерея», «Разбойник»); присутствуют элементы приключенческой литературы («Игорь-Робинзон»), анималистической прозы: «подслушанные»

размышления или диалоги животных («Мигрошка»), описание завтрака ос, пения цикад, войны с муравьями («Война с муравьями», «Нахлебники», «Цикады»). Сюжетной основой многих рассказанных историй являются развлечения и игра ребенка. Исподволь затрагиваются общие для русских эмигрантов проблемы: чужая культурная и языковая среда, отсутствие своего дома, переезды и смена места жительства, бытовые проблемы — но они даны фоном, на заднем плане, не акцентировано. Книга двухадресна, она обращена не только к ребенку, но и ко взрослому читателю. Саша Черный создает не автобиографическое произведение, пишет не мемуары, отсылающие к прошлому, к утраченному раю, соотносённому с потерянной Родиной, а книгу об эмигрантском житье-бытье, которое тоже может быть счастливым и радостным.

Примечания

- ¹ Е. А. Бреннер в 1917 г. эмигрировал в Берлин, работал библиотекарем и издателем. В 1926 г. он переехал во Францию, жил в Париже, был членом правления «Товарищества Н. П. Карбасникова» (вышел из состава в 1929 г.), владельцем книжного магазина и издательства «Москва» в Париже (1920 — начало 1930-х); держал оптовый склад. В 1934 г. уехал в Рабат (Марокко), где работал директором различных компаний, в 1953 г. вернулся в Париж [Российское зарубежье 2008, 208].
- ² Псевдоним Николая Никитича Лихачева (1905–1965) [Шруба 2018, 332, 638].
- ³ Н. Прендл называет героя Саши Черного шестилетним дошкольником [Preindl 2016, 125]. Автор статьи полагает, что герой старше. Об этом говорят его письменные упражнения в переводе, сочинение в ответ на просьбу дяди Васи, круг чтения мальчика. У него сохранилась память о Родине, хотя, судя по перечисленным странам, Франция — третья страна в их эмигрантской одиссее, т. е. кочуют не первый год. Можно обратить внимание на то, как бережно он собирает свою корзину с памятными для него предметами, «русское добро». М. Цетлин в рецензии на повесть так же обозначает более старший возраст ее читателей: «„Чудесное лето“ с увлечением прочтут дети 9–13 лет» [Цетлин 1930, 3].
- ⁴ См. также воспоминания Л. С. Врангель: «Саша Черный, известный поэт и беллетрист, был душой нашего общества, особенно наших детей, которые любили его и которых любил и он и им отдавал свои лучшие досуги. По вечерам, особенно, когда море поблескивало отблесками луны, на затихшем пляже собирались все дети около Саши Черного, жгли костры, жарили шашлыки, приправленные неиссякаемыми остроумными и художественными песенками и рассказами Саши Черного;

дети вторили ему и пели смешные, веселые его песенки» [Врангель 1954, 151].

⁵ Ср. с началом рассказа А. П. Чехова «Детвора».

⁶ Перевод автора статьи.

Литература

Источники

Врангель 1954 — Врангель Л. Ла-Фавьер // Возрождение. 1954. № 34. С. 145–153.

И. Л. 1930 — И. Л. [И. Лукаш] «Чудесное лето» // Возрождение. 1930. 1 мая. С. 4.

Лазаревский 1932 — Лазаревский Б. Последний разговор. Памяти А. М. Черного // Россия и славянство. 1932. 13 авг. С. 3–4.

Покровский 1930 — Покровский Ник. «Чудесное лето» Саши Черного // Заря. 1930. 27 апр. С. 7.

Российское зарубежье 2008 — Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Биографический словарь: в 3 т. Т. 1.: А-К. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской, М.: Наука, Дом-музей Марины Цветаевой, 2008.

Словарь современного 1962 — Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 13 / гл. ред. В. И. Чернышев. М.; Л.: Наука, 1962.

Словарь современного 1965 — Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 17 / гл. ред. В. И. Чернышев. М.; Л.: Наука, 1965.

Цетлин 1930 — Цетлин М. Новая книга Саши Черного // Последние новости. 1930. 13 февр. С. 3.

Черный 1930 — Черный Саша. Писатели о своих книгах // Последние новости. 1930. 1 янв. С. 4.

Черный 1929 — Черный Саша. Чудесное лето. Берлин; Париж; Москва, 1929. (Серия «Золотая библиотека»).

Черный 1996 — Черный Саша. Детский ковчег // Черный Саша. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3: Сумбур-трава. 1904–1932. Сатира в прозе. Бумеранг. Солдатские сказки. Статьи и памфлеты. О литературе / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М.: Эллис Лак, 1996. С. 356–358.

Шруба 2018 — Шруба М. Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945). М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Исследования

Андреева 1986 — Андреева В. Л. Эхо прошлого. М.: Совет. писатель, 1986.

Женнет 1998 — Женнет Ж. Фигуры: в 2-х т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.

Жиркова 2024 — Жиркова М. А. Публикации Саши Черного для детей в 1920–30-е гг. и оценка эмигрантской критикой // *Art logos*. 2024. № 1(26). С. 59–79. DOI: 10.35231/25419803_2024_1_59.

Иванов 1996 — Иванов А. С. Волшебник // Черный Саша. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Детский остров / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М.: Эллис Лак, 1996. С. 523–548.

Кокина 2017 — Кокина И. А. Мир ребенка в рассказах А. П. Чехова (на примере рассказа А. П. Чехова «Детвора») // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*: [в 2-х ч.]. 2017. № 8–2(74). С. 117–120.

Коротких 2002 — Коротких А. В. Детские образы в юмористической прозе Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи: дис... канд. филол. наук / Сахалинский гос. ун-т. Южно-Сахалинск, 2002.

Коротких 2006 — Коротких А. В. Зооморфная авторская маска в русской прозе 1920-х годов // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*. 2006. № 7. С. 190–194.

Кратц 2017 — Кратц Г. Русское книгоиздание «золотого века» в Берлине // *Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.): сб. науч. тр. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына*, 2017. С. 15–28.

Лапонина 2005 — Лапонина Л. В. Мир глазами ребенка в рассказах А. П. Чехова 1880-х гг. // *Русская словесность*. 2005. № 8. С. 23–28.

Францова 2016 — Францова Н. В. Чеховское эхо в творчестве Саши Черного // *Культура российской провинции: история и современность*. Курск: Курск. гос. ун-т, 2016. С. 233–237.

Preindl 2016 — Preindl N. Sasha Cherny: Chudesnoe leto // Preindl N. *Russische Kinderliteratur im europäischen Exil der Zwischenkriegszeit* / ed. F. B. Poljakov, N. Preindl. Vienna, 2016. Vol. 11. S. 110–146. (Russian Culture in Europe = Русская культура в Европе).

References

Andreeva 1986 — Andreeva, V. L. (1986). Echo proshlogo [An echo of the past]. Moscow: Sovetskii pisatel.

Francova 2016 — Francova, N. V. (2016). Chekhovskoe ekho v tvorchestve Sashi Chernogo [Chekhov's echo in the works of Sasha Cherny]. In *Kul'tura rossijskoj provincii: istoriya i sovremennost'* [Culture of the Russian Province: History and Modernity] (pp. 233–237). Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy universitet.

- Ivanov 1996* — Ivanov, A. S. (1996). Volshebnik [Wizard]. In Sasha Cherny, *Sobranie sochinenii* [Collected works] (in 5 vols. Vol. 5: *Detskij ostrov* [Children's Island]; pp. 523–548). Moscow: E'llis Lak.
- Kokina 2017* — Kokina, I. A. (2017). Mir rebenka v rasskazah A. P. Chekhova (na primere rasskaza A. P. Chekhova "Detvora") [The world of the child in the stories of A. P. Chekhov (on the example of A. P. Chekhov's short story "Detvora")]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 8–2(74), 117–120.
- Korotkikh 2002* — Korotkikh, A. V. (2002). *Detskie obrazy* v yumoristicheskoy proze Sashi Chernogo, A. Averchenko i Te'ffi [Children's Images in the Humorous Prose of Sasha Cherny, A. Averchenko and Taffy] (doctoral dissertation). Sakhalin State University, Yuzhno-Saxalinsk.
- Korotkikh 2006* — Korotkikh, A. V. (2006). Zoomorfna avtorskaya maska v russkoj proze 1920-x godov [The zoomorphic author's mask in Russian prose of the 1920s]. *Vestnik Poloczkogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*, 7, 190–194.
- Kratz 2017* — Kratz, G. (2017). Russkoe knigoizdanie "zolotogo veka" v Berline [Russian book publishing of the "Golden Age" in Berlin]. In I. P. Tribunskii (Ed.), *Izdatel'skoe delo rossijskogo zarubezh'ya (XIX–XX vv.): sb. nauch. tr.* [Publishing the Russian diaspora (XIX–XX centuries): collection of scientific works] (pp. 15–28) Moscow: Russkii put.
- Laponina 2005* — Laponina, L. V. (2005). Mir glazami rebenka v rasskazah A. P. Chekhova 1880-h gg. [The world through the eyes of a child in the stories of A. P. Chekhov in the 1880s]. *Russkaya slovesnost'*, 8, 23–28.
- Preindl 2016* — Preindl, N. (2016). Sasha Cherny: Chudesnoe leto. In N. Preindl, *Russische Kinderliteratur im europäischen Exil der Zwischenkriegszeit* (ed. by F. B. Poljakov, vol. 11, pp. 110–146). Vienna.
- Rossijskoe zarubezh'e 2008* — Mnuhin L. (Ed.) (2008). *Rossijskoe zarubezh'e vo Francii 1919–2000. Biograficheskij slovar' v 3 t. T. 1. A–K.* [Russian abroad in France 1919–2000. Biographical dictionary in 3 vols. Vol. 1. A–K.]. Moscow: Nauka; Dom-muzej Mariny Cvetaevoj.
- Schruba 2018* — Schruba, M. (2018). Slovar' psevdonimov russkogo zarubezh'ya v Evrope (1917–1945) [Dictionary of pseudonyms of the Russian Diaspora in Europe (1917–1945)]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
- Slovar' sovremennogo russkogo 1962* — Chernyshev, V. I. (Ed.) (1962). *Slovar' sovremennogo russko-go literaturnogo yazy'ka. V 17 t. T. 13* [Dictionary of modern Russian literary language in 17 t. T. 13]. Moscow; Leningrad: Nauka.
- Slovar' sovremennogo russkogo 1965* — Chernyshev, V. I. (Ed.) (1965). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazy'ka. V 17 t. T. 17* [Dictionary of modern Russian literary language in 17 t. T. 17]. Moscow; Leningrad: Nauka.

Zhennet 1998 — Zhennet, Zh. (1998). *Figury* v 2-x t. T. 2 [Figures. In 2 vols. Vol. 2] Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.

Zhirkova 2024 — Zhirkova, M. A. (2024). Publikacii Sashi Chernogo dlya detej v 1920–30-e gg. i ocenka e‘migrantskoj kritikoj [Sasha Cherny’s publications for children in the 1920s and 30s and the assessment of emigrant criticism]. *Art logos*, 1(26), 59–79. DOI: 10.35231/25419803_2024_1_59.

Marina Zhirkova

Leningrad State University named after A. S. Pushkin; ORCID:
0000-0003-4107-6944

THE AUTHOR AND HIS CHARACTERS IN SASHA CHERNY’S STORY “THE WONDERFUL SUMMER” (1929)

The article considers the narrative structure of Sasha Cherny’s story *Wonderful Summer*. The book is dual-address, engaging not only a child reader but also an adult audience. The story depicts the child’s worldview by incorporating the boy’s own reflections into the narration of the primary narrator. The child’s perception, feelings, emotions, and experiences become the object of depiction. Playing with speech masks, changing points of view on the world or subjects of focalization creates a special style of the writer, which allows to reveal the child’s view of the world and the author’s attitude to his characters, manifested in the narrative word of the main narrator. Sasha Cherny presents a wide range of narrative techniques, including the merging of the narrator’s and characters’ perceptions, free indirect speech that reveals the inner thoughts of the young protagonist, the citation of internal speech enclosed in quotation marks within the narrator’s descriptive passages, and direct speech in character monologues and dialogues. The text of the story consists of several narrative layers belonging to the narrator, the boy, and even living beings — including inanimate objects, such as stars in the boy’s dream. As a result, elements of fairy-tale prose permeate the realistic work, with animals and non-living objects animated and endowed with consciousness and voice.

Keywords: Sasha Cherny, children’s literature, Russian emigration literature, novella, plot, narrative, narrator